

ДВОРЯНСКИЕ ЧИНОВНИКИ В УЕЗДНЫХ И ЗЕМСКИХ СУДАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX в.)

Работа представлена кафедрой русской истории.

Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент Т. Г. Фруменкова

Статья посвящена интересному и малоизученному сюжету российской истории в целом и истории дворянства Петербургской губернии в частности. Работа основана на большом количестве источников, часть из которых впервые вводится в научный оборот. Автор исследует роль дворянства в полицейском и судебном управлении столичной губернии, анализирует сущность дворянской опеки, сословного органа при уездном суде. В статье показано, что участие дворянства в охране правопорядка и судопроизводстве являлось, с одной стороны, привилегией благородного сословия, а с другой – обязанностью, которую не все чиновники выполняли с одинаковой добросовестностью.

The article “Nobiliary Bureaucrats in Uezdny Sud and Zensky Sud of Saint-Petersburg Province (first quarter of XIX c.)” is dedicated to the interesting and insufficiently known subject of the Russian history, as a whole, and a history of nobility of Saint-Petersburg province, specifically. The work is complied with lots of original historical sources; part of them is being leading to the scientific rotation. The author investigate a role of nobility in police and justice province, analyzes an essence of Nobiliary Tutelage - the class bodies attached to the Uezdny Sud. In the article is shown, that the participation of nobility in protection of law and legal procedure was the privilege of nobility, on the one hand, and it was the duty, on the other hand.

Становление дворянского сословия завершилось при Петре I, когда дворянство стало пополняться выходцами из других слоев населения в результате их продвижения по службе. Преемники Петра I постепенно освобождали дворянство от обязательной военной службы, что способствовало уходу служилого сословия в свои поместья. Окончательно эта тенденция была закреплена в манифесте о вольности дворянской Петра III. Сосредоточение дворян в поместьях вызвало потребность в их самоорганизации, привлечении к формированию местного сословного самоуправления, а следовательно, и участию представителей благородного сословия в работе местных судов и полиции. Начало этому процессу положило Учреждение о губерниях 1775 г. – главный документ екатерининской реформы местного управления.

Реформа предусматривала создание системы сословных судебных учреждений. Для дворян открывались нижний земский, уездный и верхний земский, или губернский, суды. Первый из них относился к полицейскому управлению, второй – к судеб-

ному производству, а третий был апелляционной инстанцией. По Учреждению о губерниях впервые предусматривалось участие выборных от дворян чиновников в уездном и земских судах (Гл. II, ст. 50–53)¹. Оно установило и порядок определения в должности: в верхний земский суд выбирались сроком на три года 10 заседателей из дворян уездов, которые составляли подсудное ведомство данного суда (Гл. III, ст. 64–65)². На тех же основаниях полагалось избирать уездного (окружного) судью, земского исправника (высшее должностное лицо уезда и председателя нижнего земского суда) и дворянских заседателей уездного и нижнего земского судов (Гл. III, ст. 66–67)³. Устанавливалась компетенция земских и уездных судов. Верхним земским судам были подчинены уездные и нижние земские суды, а также дворянские опеки. В этот суд поступали апелляции на низшие инстанции, гражданские и уголовные дворянские дела, дела разночинцев.

При каждом верхнем земском суде создавалась дворянская опека. Стоит отметить, что Учреждение о губерниях остава-

лось главным законодательным актом, определявшим положение дворянской опеки в последней четверти XVIII и первой четверти XIX в. Дворянской опеке поручалось попечение о малолетних сиротах и вдовах дворян. Уведомлять опеку о вдовах и сиротах должны были дворянские предводители. Опека могла начать заниматься тем или иным делом только после получения прошения или повеления лиц, обозначенных в Учреждении. Прежде всего выяснялась воля родителей об опекунах и, если ее не было, назначались опекуны, которых старались подбирать из числа родственников. Учреждение содержало подробное наставление опекунам, которым полагалось ежегодно предоставлять дворянской опеке отчет о доходах, содержании и воспитании малолетнего. После назначения опекунов при секретаре уездного суда и двух посторонних дворянских свидетелях делалась подробная опись наследства. Если опекуну приходилось выплачивать долги по имению малолетнего, он должен был представить сведения о долгах в дворянскую опеку, которая, в свою очередь, доносила об этом верхнему земскому суду. Если у сироты не оставалось никакого имения, опека старалась поместить его в общественное училище или определить на государственную службу. Вдовам опека бесплатно предоставляла стряпчего для ходатайства в различных присутственных местах по их делам. Если у вдов не оставалось имения, дворянская опека старалась «доставить пристанище и пропитание, приличное их состоянию». Сироты и вдовы, недовольные решением дел в дворянской опеке, могли перенести их в уездный суд⁴.

В царствование Александра I правила по опеке несколько изменились. В 1804 г. было решено предоставить управление имениями, находящимися в разных губерниях, одному опекуну, с тем чтобы для избежания споров и недоразумений он подавал отчеты в одну дворянскую опеку⁵ (по 222 ст. 16 отделения Учреждения о губерниях отчеты полагалось подавать в опеки

каждого уезда). Многочисленные правонарушения опекунов⁶ вызвали появление в 1815 г. нового закона. Теперь отчеты по управлению имением следовало представлять ежегодно в январе в опеки и сиротские суды, которым, в свою очередь, полагалось немедленно доставлять их на ревизию в высшие судебные инстанции⁷. В том же году дворянской опеке было предписано брать имения под надзор при возникновении споров о наследовании до их разрешения. Если споров не возникало, то имение оставалось во владении того лица, которому оно было завещано, о чем сообщали в газете. При этом в течение двух лет со дня публикации известия завещание могло быть оспорено. Если возникал спор, то имение оставляли у владельца до решения дела. В опеку его имение уже не брали, но присылали письменный запрет на его залог и продажу. По истечении двухлетнего срока наследник вводился во владение имением окончательно⁸. Остальные правила, определявшие деятельность дворянской опеки, в царствование Александра I изменились мало.

В столичной губернии объявления о взятии какого-либо имения под опеку печатались в «Санкт-Петербургских ведомостях». В основном это были имения малолетних сирот. Так, в № 14 за 1804 г. читаем объявление чиновника IX класса М. Ландера, определенного опекуном «после госпожи майорши Матрены Савеловой к малолетним ее детям и их имению». В этом объявлении был указан адрес, по которому могли явиться все те, у кого были какие-либо имущественные претензии к покойной⁹. Подобное объявление было помещено в № 10 за тот же год. В отличие от первого примера, в этом случае над малолетними детьми покойного статского советника Г. Борисова и их имением было назначено несколько опекунов. Ими стали трое близких родственников (вдова покойного, дочь и сын – надворный советник П. Г. Борисов) и двое посторонних людей: статский советник Г. Бибикин и коллежский ассессор И. Малиновкин. Это объявление также имело целью оповестить

кредиторов покойного¹⁰. Другим основанием для взятия имения в опеку была неплатежеспособность владельца по кредитам и его многочисленные долги. Такие случаи зачастую заканчивались продажей имения. Так, имение П. Хвостова в Гдовском уезде было оценено уездным судом в 700 рублей за неплатеж майору Хризоскулееву по векселю 800 рублей¹¹. Имение надворной советницы Шлатеровой было описано и оценено в 700 рублей за неплатеж мещанину Душкину 658 рублей 80 копеек¹². Иногда долги владельца имения, взятого под опеку, приводили к тому, что попечитель отказывался от опекунства. Так, К. С. Иконников, избранный опекуном к отставному подполковнику А. П. Щербинину, просил кредиторов подождать, пока А. П. Щербинин избрет себе другого попечителя. Отказ свой К. С. Иконников объяснял тем, что отставной подполковник продолжал брать деньги в долг без его ведома¹³.

После объявления в газете о взятии имения под опеку назначались сроки, в течение которых кредиторы могли предъявлять свои долговые требования. Затем дело закрывалось. Так, попечители, избранные к имению действительного камергера кн. А. Н. Голицына, 1 марта 1804 г. оповещали его кредиторов, что объявление о взятии имения князя под опеку с извещением кредиторов появилось в печати в декабре 1802 г. Многие воздержались от немедленного предъявления своих требований и могли предъявлять их в течение еще двух месяцев, после чего все долговые обязательства объявлялись недействительными¹⁴.

Помимо опеки, дворяне выполняли судебные и правоохранительные функции. Они определялись Учреждением о губерниях и Жалованной грамотой, были частично отменены Павлом I и восстановлены при Александре I. Однако закрытые Павлом I нижние земские расправы (низшие судебные инстанции для крестьян) он восстанавливать не стал¹⁵. Одним из первых актов дворянского законодательства в царствование Александра I стал манифест о восста-

новлении Жалованной грамоты 2 апреля 1801 г. Еще раньше, 15 марта 1801 г., на третий день после вступления на престол, император дал Сенату указ «О восстановлении дворянских выборов», который, как ни странно, выпадает из поля зрения исследователей. Тем не менее это был первый закон нового царствования, касающийся участия дворянских чиновников в судах. Право назначения чиновников в уездные и земские суды, переданное Павлом I в департамент герольдии, возвращалось дворянству, для чего и восстанавливались дворянские выборы¹⁶. Александр, по-видимому, хотел восстановить дворянское самоуправление и укрепить позиции местных судебных учреждений путем выборов авторитетных для благородного сословия лиц.

Дальнейшие постановления 1801 г. нарушили сословный принцип организации судов, введенный Учреждением. Апелляционные инстанции в губерниях – палаты уголовного и гражданского суда – сохранили всесословный характер, что сделало судебную систему более сложной и запутанной. 31 мая 1802 г. Сенат, рассматривая вопрос о судах, постановил, чтобы, согласно 340 ст. Учреждения о губерниях, в уездные суды поступали дела, касающиеся дворянства и казенных поселян, а дела купцов разбирались в городском магистрате. Дворян могли судить только лица, избранные дворянством. В палатах уголовного и гражданского суда по регламенту должны были присутствовать заседатели и от дворянства, и от купечества¹⁷.

Кроме того, в законах не была четко очерчена компетенция каждого из судов. Уездный суд, помимо дел по дворянской опеке, занимался продажей движимого имущества, о чем делал объявления в ведомостях. Так, 9 февраля 1804 г. появилось объявление о том, что «желающие приобрести описанное движимое имущество капитанши Лобановой, состоящее в предметах мебели и платье, оцененное в 43 рубля 3 копейки за неплатеж действительной статской советнице Пасевьевой и в казну этих

денег, могут явиться на торги 23 марта в 4 часа утра “в аукционную камеру”»¹⁸.

Уездный суд занимался и своими непосредственными обязанностями, а именно судебными делами. Так, шлиссельбургский уездный суд рассматривал жалобу тайной советницы А. В. Смирновой на то, что в 1814 г. во время ее пребывания в Москве ее покойный муж, будучи больным, поддавался лживым убеждениям некоего коллежского советника Пальмова и подписал поднесенную им раздельную запись с землей жены (А.В. Смирновой. – К. С.), по которой уступал ему небольшую часть сенокосного леса от пустоши Крутой ручей. По этой записи Пальмов, без ведома просительницы, через землемера Самойловича неправильно отмежевал в несколько раз больший участок. Однако по планам и купчей крепости эта пустошь относилась к деревне, состоявшей в собственности А. В. Смирновой. Суд нашел заключенный акт незаконным, вследствие чего его уничтожили, а пустошь возвратили владелице. Судьи также признали законченным спор между А. В. Смирновой и крестьянами ведомства гоф-интендантской конторы села Путилова, которые, по подстрекательству Пальмова, стали присваивать земли помещицы под предлогом, что «терпят в земле недостаток». А. В. Смирнова была недовольна таким решением и пожаловалась на земский суд, обязанностью которого было прекратить «своеволие» путиловцев, чтобы между ними и ее крестьянами не произошло «междоусобных» столкновений. Суд, по ее сообщению, не пресекал безобразия, а бывший земский исправник А. П. Антонов сам позволял дворцовым крестьянам рубить лес и косить траву в имении тайной советницы. А. В. Смирнова привела и примеры самоуправства путиловцев. В 1822 г. они отняли у ее крестьян каменную плиту, которую последние везли на продажу; в 1824 г. вытащили и выбросили межевые столбы, а летом 1825 г. выкосили луга, поломали

изгороди около колеи, потоптали овес¹⁹. Последние хулиганские действия переполнили чашу терпения помещицы, и она подала жалобу в министерство внутренних дел.

Законодательство по вопросам участия дворян в полицейском управлении было весьма нечетким. Уездное полицейское управление еще в 1775 г. отделили от городского и предоставили нижнему земскому суду, члены которого избирались дворянами²⁰. Александр I восстановил нижние земские суды в том виде, в каком они работали при Екатерине II. Вероятно, и полицейское управление было восстановлено в прежнем виде. При этом на земских исправников возлагались обширные, нигде не оговоренные, а традиционно сложившиеся обязанности.

В архивах пока обнаружено немного примеров добросовестного исполнения исправниками своих обязанностей, хотя известно, что екатерининская система местного управления и суда оказалась довольно прочной, а значит, ответственное отношение к службе являлось нормой. В документах нашло отражение лишь служебное рвение, достойное правительственной награды. Так, в 1812 г. санкт-петербургский земский исправник Ф. И. Франкен, узнав о том, что от рижского купца Вельцина сбежал с деньгами артельщик Михаил Прокофьев, сразу же предпринял «столь деятельные меры», разослав по всем дорогам заседателей земского суда, что несколько часов спустя беглец был пойман. Замещающий уездного предводителя шлиссельбургского дворянства К. К. Родофиникин отметил, что и ранее Ф. И. Франкен задержал немало преступников и бродяг. Во главе земского суда он проявлял постоянное попечение о проходящих через уезд войсках, заботился об обеспечении их хорошими подводами, чем заслужил признательность директора 2-го кадетского корпуса генерал-лейтенанта А. Клейнмихеля. К. К. Родофиникин отмечал, что и «все прочие дела в обязанность его входящие

текут безостановочно с большою точностью и успехом»²¹.

В 1822 г. петербургский военный губернатор представил к награде земского исправника Лужского уезда отставного ротмистра графа Л. К. Дюлонье-Люксембурга за поимку грабителей и возвращение похищенных ими вещей. С разоблачением этих преступников связана детективная история первой половины XIX в. По распоряжению исправника в августе 1822 г. была поймана шайка грабителей из пяти вооруженных человек, которая скрывалась в лесах. При взятии преступников отлично действовал сотский Родион Сидоров, которого грабители, пытаясь вырваться, избивали ружейным прикладом. Однако сотский вместе с находившимся при исправнике канцеляристом Утиловым, рядовым лейб-гвардии казачьего полка Клянищем и десятским Иваном Филатовым все-таки не дал шайке уйти. После этого граф разыскал главных «преступодержателей» шайки, арестовал их и нашел награбленные вещи, которые возвратил владельцам²². Как видим, земские исправники и заседатели нередко с риском для жизни охраняли спокойствие жителей уезда, выполняя одну из своих главных задач.

Случалось, однако, что земские суды и земские исправники не справлялись со своими обязанностями, проявляли халатность, равнодушие или корыстолюбие. Естественно, что отрицательные примеры в архивных документах встречаются гораздо чаще, так как именно они служили поводом для жалоб и разбирательств. На земского исправника жаловалась вышеупомянутая помещица А. В. Смирнова. Другим примером нерадения земских исправников может послужить дело об имении царевича Давида. При переезде грузинского царского дома в Россию имения его, находившиеся в Грузии, переходили в казну, а его представителям были выданы средства для покупки крестьян в России. В частности, в 1804 г. царевичу Давиду был назначен капитал в 300 тысяч рублей на покупку 2000

крепостных душ. Покупка имений для всех грузинских царевичей была доверена министру финансов. В письме к министру внутренних дел царевич пояснял, что в 1806 г. министр финансов граф А. И. Васильев купил для него в Ямбургском уезде имение в 186 душ из казенного залога у коллежской советницы Кривцовой и лейтенанта флота Лингарта. На покупку последовало высочайшее разрешение, после чего купчие крепости были совершены в Санкт-Петербургской гражданской палате. Однако в 1809 г. ямбургский земский суд, без всякого извещения, прибыл в имение и отписал на свой выбор 70 душ лучших крестьян, которых утвердил за тайным советником Колокольцевым. Впоследствии земский суд уведомил царевича, что сделано это было по предписанию петербургской гражданской палаты по указу VIII департамента Сената при решении спорного дела между прежними владельцами имения. Царевич Давид вполне справедливо возмущался тем, что ему было продано запрещенное к продаже имение и при этом совершены законные купчие. Помимо этого, выяснилось, что ему продали несколько «мертвых душ», а некоторых крестьян и дворовых продали и ему, и другой помещице. Царевич обратился к министру юстиции, который передал дело в Санкт-Петербургский уездный суд, что не удовлетворило истца. В новой жалобе он предлагал министру внутренних дел справедливые, на его взгляд, варианты решения конфликта. Комитет министров постановил доставить дело к министру юстиции²³. Подобные запутанные дела нередко приходилось решать земскому и уездному судам. Характерно, что ямбургский земский суд не уведомил царевича Давида о распоряжении петербургской гражданской палаты и указе сената. Причины проблем, возникших у грузинского царевича, вероятно, кроются в неприязненном отношении старых российских дворян к новоявленным представителям благородного сословия. Вполне возможно, однако, что дворянские

чиновники Ямбургского уезда просто работали спустя рукава, оказались некомпетентными или получили взятку.

Итак, судебное и полицейское дело было наиболее важной областью деятельности выбранных дворянами чиновников. Власти привлекли благородное сословие к созданию сословных судов, в руки дворянских обществ передавалась земская полиция, которая имела чрезвычайно широкие функции и охватывала множество судебных дел. Важной функцией дворянства в уездном суде являлась опека над дворянскими имениями. Дворянская опека была институтом внутреннего дворянского самоуправления. Она помогала вдовам и сиротам, а также за-

нималась долговыми обязательствами и продажей имений, как за долги, так и по инициативе владельца.

Судебное дворянское законодательство претерпело немалые изменения при Павле I. После воцарения Александра I прежний судебный порядок был отчасти восстановлен. Участие петербургского дворянства в уездном и земском судах, с одной стороны, было его важной привилегией, а с другой стороны, – обязанностью, которую дворянские чиновники выполняли с разной степенью рвения, в результате чего возникали недоразумения, вплоть до продажи «мертвых душ». Забота о спокойствии и правопорядке губернии ложилась на плечи земских исправников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ПСЗ – I. Т. XX. № 14.392.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ПСЗ – I. Т. XX. № 14.392.

⁵ ПСЗ – I. Т. XXVIII. № 21.361.

⁶ О злоупотреблениях опекунов в царствование Александра I яркое представление дает комедия современника событий Г.Ф. Квитки-Основьяненко «Дворянские выборы». // Квитка-Основьяненко Г.Ф. «Дворянские выборы» – комедия в 3-х действиях. М., 1829.

⁷ ПСЗ – I. Т. XXXIII. № 26.107.

⁸ ПСЗ – I. Т. XXXIII. № 26.004.

⁹ Санктпетербургские ведомости. № 14.16 февраля. 1804 г. С. 372.

¹⁰ Санктпетербургские ведомости. № 10. 2 февраля. 1804 г. С. 262.

¹¹ Санктпетербургские ведомости. № 9. 29 января. 1804 г. С. 230.

¹² Санктпетербургские ведомости. № 16. 23 февраля. 1804 г. С. 435.

¹³ Санктпетербургские ведомости. № 10. 2 февраля. 1804 г. С. 262.

¹⁴ Санктпетербургские ведомости. № 18. 1 марта. 1804 г. С. 495.

¹⁵ Корф С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855. СПб., 1906. С. 288 – 289.

¹⁶ ПСЗ – I. Т. XXVI. № 19.790.

¹⁷ ПСЗ – I. Т. XXVII. № 20.284.

¹⁸ Санктпетербургские ведомости. № 12. 9 февраля. 1804 г. С. 319.

¹⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 3. Д. 164. Л. 1–2 об.

²⁰ Членами земского суда были земский исправник или капитан, 2 или 3 дворянских, 2 сельских (посылаемых нижней расправой) заседателей. // Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 468–469.

²¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 14. Л. 1–2.

²² РГИА. Ф. 1286. Оп. 3. Д. 65. Л. 1–1 об.

²³ Журналы Комитета министров. 1810–1812 гг. СПб., 1891. Т. 2. С. 346–347.